

Дашкова, Екатерина Романовна

**Записки княгини
Дашковой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д21

Д21 **Дашкова, Екатерина Романовна**
Записки княгини Дашковой / Дашкова, Екатерина Романовна – М.: Книга по Требованию, 2012. – 374 с.

ISBN 978-5-458-24628-6

Лучшее (до 1917 года) издание на русской языке воспоминаний княгини Е. Р. Дашковой (1743/1744 – 1810), одной из самых неординарных российских женщин. Содержит 4 иллюстрации: гравюры Г. И. Скородумова, Майера, Ю. Шюблера, созданные по рисункам Д. Г. Левицкого, Г. И. Скородумова, Клауди; а также «Приложения», включающие 56 документов того времени и «Указатель личных имен».

ISBN 978-5-458-24628-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

беннымъ, центромъ всѣхъ совершающихся на ея глазахъ событій; были ли это событія крупныя или второстепенныя—княгиня безразлично всегда представлялось, что она тотъ центръ, къ которому направлены всѣ самыя разнообразныя чувства другихъ свидѣтелей и участниковъ, которые только группируются около нея, какъ величныя далеко меньшаго значенія. Если что-нибудь дѣлалось не такъ, какъ бы она желала—по ея убѣжденію это было непременно результатомъ особенныхъ усилій и интригъ, специально противъ нея направленныхъ, вслѣдствіе зависти къ ней; если ей оказывали вниманіе, любезно принимали ее при какомъ-нибудь дворѣ, — ей всегда представляется, что никому другому никогда такого вниманія не оказывалось; всякій, самый обычный комплиментъ она принимаетъ непременно за чистую монету, за невольное выраженіе чувствъ, которыя, быть можетъ, иногда хотѣлось бы даже и скрыть и т. д.; во всѣхъ такихъ случаяхъ необходима тщательная провѣрка рассказовъ княгини, и нерѣдко открывается, что княгиня Дашкова, въ лучшемъ случаѣ, сильно заблуждалась. Такую чрезмерно субъективную окраску даетъ она, прежде всего, описанію того эпизода, которому сама же отводитъ исключительное мѣсто въ своемъ повѣствованіи, именно перевороту 1762 г.; Дашкова чрезмерно преувеличиваетъ свою роль и значеніе въ немъ. Императрица Екатерина въ первые же дни по воцареніи писала Станиславу Понятовскому между прочимъ: «шесть мѣсяцевъ я была въ сношеніяхъ со всѣми вождами заговора, прежде чѣмъ Дашкова узнала хоть одно имя». Но если даже усумниться, лучше ли знала Екатерина о связяхъ заговорщиковъ, чѣмъ Дашкова—хотя, конечно, дѣлю неизмѣримо ближе касалось императрицы—то въ рассказахъ самой Дашковой можно найти доказательства, что она невѣрно оцѣниваетъ свое участіе въ заговорѣ. Прежде всего—Дашкова ни разу не сообщаетъ достаточно и опредѣленно, гдѣ, когда и какъ сговаривалась она съ офицерами—хотя рядомъ же передаетъ съ большою обстоятельностью совершенно незначительные разговоры; вѣроятно, надо представлять себѣ дѣло такъ, что Дашкова заговаривала со многими на щекотливую тему о переворотѣ и, не встрѣчая возраженій, частью потому, что большинство думало такъ же, частью—по весьма естественной осторожности собесѣдниковъ, она сейчасъ рѣшала, что это она именно первая и внушала людямъ такія мысли. Соловьевъ совершенно правдоподобно истолковалъ появленіе у Дашковой вечеромъ 27 іюня двухъ братьевъ Орловыхъ одного за другимъ, какъ наблюденіе, что дѣлаетъ эта молодая женщина, къ тому же сестра фаворитки императора. Рассказъ са-

мои Дашковой, что она улеглась спать около полуночи 27 июня и явилась уже во дворецъ въ седьмомъ часу утра, когда все было кончено, слишкомъ ясно свидѣтельствуешь, можно ли считать ее руководительницею заговора; а когда сама же Дашкова признается, что лишь послѣ переворота она поняла, какія отношенія существуютъ между Екатериною и Гр. Орловымъ, то можно ли сомнѣваться, что у императрицы съ нею далеко не было такой близости, какъ стремится представить это Дашкова, и что княгиня безъ достаточныхъ основаній принимала на себя говорить за императрицу. И есть даже основанія предполагать, что первоначально, ближе къ событію, Дашкова сама правильнѣе представляла себѣ свое участіе въ немъ и что только впоследствии, мало-по-малу, стала она выставлять свою роль все активнѣе и активнѣе и, наконецъ, и сама себя въ этомъ убѣдила.

Допускала Дашкова очевидныя неточности и въ передачѣ другихъ эпизодовъ, близко ее интересовавшихъ: такъ, напр., она говоритъ, что послѣдніе 10—12 дней своего пребыванія въ Парижѣ она была почти неразлучна съ Дидро, но его бесѣды почти не передаетъ, зато сообщаетъ, что послѣ ея рѣчи о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, которую она текстуально и приводитъ, философъ воскликнулъ: *Vous bouleversez des idées que j'ai chéries et nourries pendant 20 ans!*— Дидро въ своей замѣткѣ, посвященной знакомству съ Дашковой, говоритъ, что былъ у нея 4 раза, и ничѣмъ не дасть понять, чтобы она произвела на него сколько-нибудь глубокое впечатлѣніе, а очевидно, что въ этомъ отношеніи Дидро безспорно лучший судья, чѣмъ его собесѣдница. По поводу пожалованія имѣнія Круглое Дашкова говоритъ, что она, конечно, не напоминала и не просила о прибавкѣ, на которую, по ея мнѣнію, имѣла полное право—но сохранилось документальное доказательство, что она и напоминала, и просила. Дашкова постоянно говоритъ, что испытывала стѣсненіе въ средствахъ, рассказываетъ, что она многое раздавала роднымъ, но ея словамъ, конечно, безъ процентовъ и даже безъ отдачи—но послѣ ея смерти осталось наличными деньгами до 70.000 р.—сумма по тому времени громадная—и остались письма къ роднымъ, гдѣ она не только напоминаетъ о долгахъ, но очень аккуратно высчитываетъ и проценты.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ записки княгини Дашковой представляютъ тѣмъ не менѣе весьма цѣнный историческій памятникъ — и потому, что содержатъ нѣкоторые интересныя указанія и, особенно, какъ произведеніе, рисующее отличный портретъ женщины, во всякомъ случаѣ весьма выдающейся. Дѣятельность

княгини Дашковой въ Академіи была дѣйствительно замѣчательна и полезна для русскаго просвѣщенія. И въ этомъ случаѣ мы почитаемъ нелишнимъ представить нѣкоторыя фактическія дополненія къ тому, что говорить о своемъ президентствѣ княгиня Дашкова, посвящая этому періоду своей жизни гораздо меньше вниманія, чѣмъ онъ заслуживаетъ сравнительно съ участіемъ ея въ переломѣ 1762 г. и съ заграничнымъ путешествіемъ, очень подробно и обстоятельно изложеннымъ въ ея запискахъ.

24 января 1783 г. послѣдовалъ именной указъ Сенату: «Дирекція надъ С.-Петербургскою Академіею Наукъ препоручается статсъ-дамѣ княгинѣ Дашковой».

За двѣнадцать лѣтъ своего управленія Академіею Наукъ Дашкова упорядочила ея хозяйство, уплатила долги Академіи и даже собрала нѣкоторый капиталъ; довольно значительную сумму доставила продажа академическихъ изданій, которыя получили значительное распространеніе, когда, по рѣшенію Дашковой, понижена была ихъ цѣна. Небывалымъ до того времени успѣхомъ пользовались и два учено-литературныя періодическія изданія, основанныя Дашковой при Академіи: «Собесѣдникъ любителей русскаго слова» и «Новыя ежемѣсячныя сочиненія», къ сотрудничеству въ которыхъ Дашкова привлекла всѣ лучшія литературныя силы своего времени; въ «Собесѣдникѣ» участвовала и сама императрица. Книгиня Дашкова возобновила при Академіи общедоступные курсы, которые читались раньше, но прекратились при ея предшественникѣ, Домашневѣ; ежегодно, въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, академики Озерецковскій, Котельниковъ, Северинъ и др. читали лекціи по естественной исторіи, математикѣ, минералогіи и т. п. Въ управленіи Академіею Дашкова руководствовалась по преимуществу совѣтами И. И. Лепехина и выборъ этого достойнѣйшаго челоука и отличнаго ученаго дѣластъ большую честь уму и такту княгини.

30 сентября 1783 г. по мысли Дашковой учреждена была и ввѣрена ей же въ управленіе Россійская Академія. Дашкова весьма энергично повела это новое дѣло. Почти всѣ члены Россійской Академіи были избираемы по ея рекомендаціи и въ Академіи соединился, безъ преувеличенія, весь цвѣтъ тогдашней русской интеллигенціи, — писатели, духовные іерархи, государственные дѣятели. Изъ числа 364 засѣданій Академіи, происходившихъ за время управленія ею Дашковой, 262 происходили подъ ея личнымъ предѣдательствомъ и часто у нея на дому. Первымъ дѣломъ академики приступили къ составленію словаря. Дашкова принимала въ этомъ дѣлѣ весьма активное участіе. По отзыву Сухомлинова, этотъ «Словарь Россійской Акаде-

мін, расположенный по словопроизводному порядку» составлять въ свое время гордость и славу Академіи; позднѣйшія поколѣнія ученыхъ и писателей отзываются о немъ также съ большимъ уваженіемъ, находя, что Академія вѣрно поняла свое призваніе и принесла существенную пользу тогдашней нашей литературѣ.

Въ 1794 г., послѣ новаго охлажденія отношеній съ императрицей, Дашкова уѣхала въ продолжительный отпускъ и болѣе не видалась съ Екатериной. Въ декабрѣ 1796 г. по повелѣнію Павла Петровича она должна была уѣхать изъ Москвы и до весны 1798 г., когда получила разрѣшеніе вернуться въ подмосковную, провела въ отдаленной своей деревнѣ Коротовѣ. При Александрѣ I она жила въ столицахъ и въ своемъ Троицкомъ. Последніе годы ея были печальны и унылы. Отношенія съ дочерью и сыномъ были совершенно порваны. Сынъ кн. Дашковой умеръ въ 1807 г., женатымъ, но бездѣтнымъ; дочь свою, Щербинину, она лишила наслѣдства и передала его, вмѣстѣ съ именемъ Дашкова, своему двоюродному племяннику, гр. Ив. Илл. Воронцову, получившему фамилію Воронцова-Дашкова.

Княгиня Дашкова представляетъ весьма замѣтную и весьма оригинальную фигуру среди дѣятелей екатерининскаго царствованія. Едва ли можно указать другую женщину, которая бы въ 18 лѣтъ принимала участіе въ заговорѣ, а 38 лѣтъ была президентомъ двухъ Академій. Всѣмъ, что прославило Дашкову, она обязана своему характеру, своей энергій и рѣшительности; характеръ господствовать у нея и надъ умомъ, во всякомъ случаѣ тоже недюжиннымъ. Ея Записки, любопытныя вообще, особенно интересны какъ произведеніе, рисующее намъ умственный и нравственный обликъ этой далеко не заурядной женщины.

Н. Чечулинъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Я родилась въ 1744 г. въ Петербургѣ. Императрица Елизавета уже вернулась къ тому времени изъ Москвы, гдѣ она вѣнчалась на царство. Она держала меня у купели, а моимъ крестнымъ отцомъ былъ великій князь, впоследствии императоръ Петръ III. Оказанной мнѣ императрицей честью я была обязана не столько ея родству съ моимъ дядей, канцлеромъ, женатымъ на двоюродной сестрѣ государыни, сколько ея дружбѣ съ моею матерью, которая съ величайшей готовностью, деликатностью, скажу даже-великодушіемъ снабжала императрицу деньгами въ бытность ея великой княгиней, въ царствованіе императрицы Анны, когда она была очень стѣснена въ средствахъ и нуждалась въ деньгахъ на содержаніе дома и на наряды, которые очень любила.

Я имѣла несчастіе потерять мать на второмъ году жизни и только впоследствии узнала отъ ея друзей и людей хорошо знавшихъ ее и вспоминавшихъ о ней съ восхищеніемъ и благодарностью, насколько она была добродѣтельна, чувствительна и великодушна. Когда меня постигло это несчастіе, я находилась у своей бабушки съ материнской стороны въ одномъ изъ ея богатыхъ имѣній и оставалась у нея до четырехлѣтняго возраста, когда ее съ трудомъ удалось убѣдить привезти меня въ Петербургъ съ цѣлью дать мнѣ надлежащее воспитаніе, а не то, какое я могла получить изъ рукъ добродушной старушки-бабушки. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, канцлеръ, старшій братъ моего отца, вовсе изъялъ меня изъ теплыхъ объятій моеи доброй ба-

бушки и сталъ воспитывать меня со своей единственной дочерью, впоследствии графиней Строгановой. Общая комната, одни и тѣ же учителя, даже платья изъ одного и того же куска матеріи,—все должно было бы сдѣлать изъ насъ два совершенно одинаковыхъ существа; между тѣмъ трудно было найти людей болѣе различныхъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни (обращаю на это вниманіе тѣхъ людей, которые мнятъ себя свѣдущими въ воспитаніи и измышляютъ собственныя теоріи относительно столь важнаго предмета, имѣющаго рѣшающее значеніе для дальнѣйшей жизни и для счастья людей и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мало ими изслѣдованнаго, можетъ быть, вслѣдствіе того, что всѣ его многочисленныя развѣтвленія не могутъ быть восприняты во всемъ своемъ объемѣ однимъ умомъ).

Не буду говорить о моей фамиліи; ея старинное происхожденіе и выдающіяся заслуги моихъ предковъ такъ прославили имя графовъ Воронцовыхъ, что имъ могли бы гордиться даже люди, гораздо болѣе меня придающіе значенія знатности рода.

Мой отецъ, графъ Романъ, младшій братъ канцлера, былъ молодъ, любилъ жизнь, вслѣдствіе чего мало занимался нами, своими дѣтьми, и былъ очень радъ, когда мой дядя, изъ дружбы къ нему и изъ чувства благодарности къ моей покойной матери, взялся за мое воспитаніе. Мои двѣ старшія сестры¹⁾, находились подъ покровительствомъ императрицы и, будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ назначены фрейлинами, жили при дворѣ. Въ родительскомъ домѣ оставался только мой старшій братъ, Александръ, и я только его одного знала съ дѣтства; мы съ нимъ часто видѣлись и между нами съ ранняго возраста возникла привязанность, которая съ годами превратилась въ неослабное взаимное довѣріе и вѣрную дружбу. Мой младшій братъ жилъ у дѣдушки въ деревнѣ и по возвращеніи его въ го-

¹⁾ Марія, въ замужествѣ графиня Бутурлина, и Елизавета, впоследствии Полянская.

родъ я его рѣдко видѣла, такъ же какъ и моихъ сестеръ. Я останавливаюсь на этомъ, потому что эти обстоятельства оказали вліяніе на мой характеръ.

Мой дядя не жалѣлъ денегъ на учителей, и мы—по своему времени—получили превосходное образованіе: мы говорили на четырехъ языкахъ и въ особенности владѣли отлично французскимъ; хорошо танцевали, умѣли рисовать; нѣкій статскій совѣтникъ преподавалъ намъ итальянскій языкъ, а когда мы изъявили желаніе брать уроки русскаго языка, съ нами занимался Бехтеевъ; у насъ были изысканныя и любезныя манеры, и потому не мудрено было, что мы слыли за отлично воспитанныхъ дѣвицъ. Но что же было сдѣлано для развитія нашего ума и сердца? Ровно ничего. Дядя былъ слишкомъ занятъ и у него не хватало на это времени, а у тетки не было къ тому ни способностей, ни призванія: ея характеръ представлялъ изъ себя странное сочетаніе гордости съ необыкновенной чувствительностью и мягкостью сердца.

Только благодаря случайности — кори, которою я заболѣла,—мое воспитаніе было закончено надлежащимъ образомъ и сдѣлало изъ меня ту женщину, которою я стала впоследствии. Съ ранняго дѣтства я жаждала любви окружающихъ меня людей и хотѣла заинтересовать собой моихъ близкихъ, но когда, въ возрастѣ тринадцати лѣтъ, мнѣ стало казаться, что мечта моя не осуществляется, мною овладѣло чувство одиночества. Къ тому времени былъ изданъ указъ, въ силу котораго воспрещались всякія сношенія съ дворомъ тѣмъ семействамъ, въ средѣ которыхъ появлялись прилипчивыя болѣзни, въ родѣ оспы, кори и т. п., изъ опасенія, чтобы великій князь Павелъ, впоследствии императоръ Павелъ I, ими не заразился. При первыхъ же признакахъ кори меня отправили въ деревню, за 17 верстъ отъ Петербурга. Кромѣ моихъ горничныхъ меня сопровождали одна нѣмка и жена одного маіора; но я ихъ не любила и общеніе съ ними не удовлетворяло моего чувствительнаго и любящаго сердца и тѣхъ понятій о счастіи, которыя я

соединяла съ присутствіемъ родныхъ и нѣжныхъ друзей. Болѣзнь моя пала главнымъ образомъ на глаза и лишила меня возможности заниматься чтеніемъ, къ которому я пристрастилась.

Глубокая меланхолія, размышленія надъ собой и надъ близкими мнѣ людьми измѣнили мой живой, веселый и даже насмѣшливый умъ. Я стала прилежной, серьезной, говорила мало, всегда обдуманно. Когда мои глаза выздоровѣли, я отдалась чтенію. Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескьё, Вольтеръ и Буало. Я начала сознавать, что одиночество не всегда бываетъ тягостно, и силилась пріобрѣсти всѣ преимущества, даруемыя мужествомъ, твердостью и душевнымъ спокойствіемъ. Мой братъ Александръ уѣхалъ въ Парижъ еще до моего возвращенія въ городъ. Съ его отъѣздомъ я лишилась чловѣка, который своею нѣжностью могъ бы залечить раны, нанесенныя моему сердцу окружающимъ меня равнодушіемъ. Я была довольна и покойна только, когда погружалась въ чтеніе или занималась музыкой, развлекавшей и умилавшей меня; когда же я выходила изъ своей комнаты, я всегда грустила; иногда я просиживала за чтеніемъ цѣлыя ночи напролетъ, что въ связи съ моимъ настроеніемъ придавало мнѣ болѣзненный видъ, обезпокоившій не только моего почтеннаго дядюшку, но и императрицу Елизавету. По ея приказанію меня сталъ лечить ея лейбъ-медикъ Бургавъ. Внимательно осмотрѣвъ меня, онъ объявилъ, что физическое мое состояніе не оставляетъ желать ничего лучшаго, а что болѣзненные явленія, встревожившія моихъ друзей, вызваны какой-нибудь сердечной заботой, вслѣдствіе чего меня стали осаждать вопросами, не коренившимися однако въ любви или дѣйствительной заботѣ обо мнѣ. Потому-то я и не дала на нихъ искренняго отвѣта, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось бы признаться въ своей гордости, уязвленномъ самолюбіи и раскрыть принятое мною самонадѣянное рѣшеніе собственными силами добиться всего, что было мнѣ доступно— можетъ быть, то, что я сказала бы, было бы принято за